

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ануфриева Евгения Владимировна,

к. ф. н., доц., зав. кафедрой
философии, истории, социологии
Волгоградского института бизнеса,
e-mail: eanufrieva@rambler.ru

Полежаев Дмитрий Владимирович,

к. ф. н., доц. кафедры общественных наук
Волгоградской государственной академии
повышения квалификации и переподготовки
работников образования,
e-mail: polezh@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Economic sense of justice and its reflexion in Russian mentality

В статье рассматриваются вопросы динамики ментальных установок общества в условиях социально-культурных изменений современной России. Экономическое правосознание обозначается как ментальный симбиоз социально-культурных установок русского менталитета – государственно-правового и хозяйственно-экономического взаимодействия на индивидуальном и коллективном уровнях. Обозначаются особенности восприятия, оценки и реализации в деятельности феноменов права и труда в пространстве русской истории и культуры. Обозначаются некоторые методологически значимые функциональные составляющие ментального подхода в отечественном социально-гуманитарном знании.

The paper is devoted to the questions of the dynamics of the mental mindset of a society in the conditions of social and cultural changes of modern Russia. The economic sense of justice is identified as mental symbiosis of the social and cultural mindset of the Russian mentality, state and legal and economic interactions at the individual and collective level. The authors show the features of perception, estimation and realisation in the activity of phenomena of the right and work in the Russian history and culture. Some methodologically significant functional components of the mental approach in the domestic social and humanitarian knowledge are presented.

Ключевые слова: менталитет, экономическое правосознание, право, правовой нигилизм, культура, социальная динамика, государственно-правовая установка, труд, хозяйственно-экономическая установка.

Keywords: mentality, economic sense of justice, right, legal nihilism, culture, social dynamics, state and legal mindset, labour, economic mindset.

Социально-экономическая ситуация в современной России характеризуется различными авторами в зависимости от исследовательской позиции и сферы научных интересов по-разному: от не критически восторженной поддержки неустойчивого нового развития экономики до негативно отрицающего неприятия. Философское осмысление предполагает учет этих крайних и иных точек зрения при понимании необходимости детерминации основного вектора (или, как вариант, – векторов) разви-

тия современной России с соответствующим развитием экономики, права, политики, культуры. Это тем более важно в условиях изменяющейся социальной, культурной, политической, экономической, демографической ситуации с учетом мировых тенденций глобального информационного мира.

Важно помнить, что социально-экономическое многообразие как системный фактор способствует гиперразнообразию личностных позиций политико-правового, социально-экономического, научного и культурного характера. Переходная экономика России, о характерных чертах и трудностях освоения которой говорили многие авторы относительно недавно¹, продолжает свое становление и в настоящее время. На смену деструктивному этапу социальных преобразований, породившему (или, точнее, отразившему в себе) ситуацию социально-культурного кризиса, особо ярко проявившегося в конце 90-х гг. XX в. в России, пришел этап конструктивный, устроительный, что не отрицает, впрочем, продолжения поиска форм реализации социально-экономических запросов и ответов на угрозы и вызовы глобальной цивилизации.

Этот поиск новых форм социально-экономического, политического, профессионального и правового устройства обременен не только в социальные (и по значимости, и по масштабу) формы, он весьма значим и на индивидуально-личностном уровне. Социально-экономическая ситуация общества диктует необходимость социально-культурной адаптации к новым условиям тех или иных социальных групп, профессиональных объединений и отдельного человека, субъекта общественно-экономических отношений. Так, низкая оплата труда, угроза безработицы и последующего изменения социального статуса и уровня жизни субъекта интенсифицируют социально-профессиональную мобильность заинтересованных групп и слоев населения. Эта мобильность в качестве результата предполагает и изменение ментальных установок индивида и сообщества, ценностного плана жизнедеятельности субъектов. Пришедший на смену коллективному интересу индивидуальный эгоизм (не в подавляющем большинстве населения России, но, во всяком случае, у значительной части представителей

¹ См.: Балабанов И. Т. Риск-менеджмент / И. Т. Балабанов. – М., 1996; Голуб Н. И. Причины потребительских рисков / Н. И. Голуб // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 5. – С. 158-164 и др.

молодого, «постсоветского» поколения) выступает как характерная черта современности, артикулирующая некоторые проявления ментальной динамики.

Вместе с тем гипериндивидуализация жизни не является окончательным и необратимым процессом. В порядке выстраивания некоторых прогностических моделей развития А. Т. Хлопьев отмечал, что преодоление отчуждения между людьми, группами населения интенсифицируется успехами в формировании нового экономического уклада, эффективностью производства, улучшением материального положения. «На базе произошедшей дифференциации, – заметил он, – в обществе начинаются процессы социальной интеграции системы»². Смена социально-экономического уклада, которая произошла одновременно с изменением общественно-политического устройства страны, привела к продолжающемуся сегодня поиску и утверждению новых экономических отношений, созданию предпринимательских и торгово-финансовых структур, формирующих новые социальные слои и группы. Формируются и новые экономические черты личности, особенности индивидуального экономического и правового мышления, то есть речь идет о вполне определенных результатах ментальной динамики.

Материальный, экономический фактор, во многом определяющий процессы социально-экономической интеграции/дезинтеграции общества, решающим образом формирует отношение людей к труду, своей профессии, ближайшему окружению, включая человека в побочные формы деятельности, изменяет стандарт потребления, перестраивает систему ценностей наличной культуры.

Вопросы социальной мобильности индивида, социальной группы и другие немало значимые с точки зрения определения оснований экономического правосознания и отражения его в менталитете россиян не могут быть представлены в упрощенном виде. Это связано со сложностью и многоуровневостью взаимосвязей рассматриваемых феноменов: экономики, права, сознания и менталитета. Важно обозначить ряд идей, связанных с динамичностью и социальной мобильностью ментальных феноменов, имеющих методологическое значение.

Полагаем необходимым уделить некоторое внимание философскому осмыслению таких понятий, как «динамика», «динамичность», «мобильность» и других, схожих с ними. Рассмотрим их, прежде всего, в общем виде, то есть вне социального контекста, который полагаем существенным при обращении к проблеме *русского* менталитета.

Рассматривая вопрос о динамике *социальных* установок, следует говорить, прежде всего, о *социальной* мобильности, динамичности (как общем качестве) социальных представлений, установок, привычек, навыков, стереотипов в их психическом протяжении. Социальная мобильность есть перемещение индивида или социальной группы на одной социальной позиции, изменение места того или иного социального субъекта в социальной структуре; а, к примеру, этническая мобильность – это «целенаправленная деятельность, направленная на этническое самоутверждение и самоопределение»³. Со-

циальная мобильность предполагает большую внутреннюю структурированность: изменения могут касаться профессиональных качеств (компетенций), профессионального или должностного статуса, уровня образованности, места жительства, семейного положения и т. п.

П. А. Сорокин рассматривал социальную мобильность как «как любой переход индивидуума или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой активностью, – из одной социальной позиции в другую. Существуют два принципиальных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной социальной мобильностью, или перемещением, подразумевается переход индивидуума или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне. Под вертикальной – подразумеваются отношения, включающие в себя переход ... из одного слоя в другой»⁴. Надо помнить, что ускорение развития конкретного общества и человеческой цивилизации в целом, растущая социальная дифференциация ведут к возникновению качественно новых позиций, вызывают значительный рост социальных перемещений, частоты и скорости социальной мобильности⁵.

Социальную мобильность можно воспринимать вполне справедливо как естественное возрастание, усложнение системы социальных взаимоотношений между отдельными людьми, социальными группами и большими социальными общностями в некотором историческом протяжении. Речь идет о «производстве самого человека», которое, конечно, как замечает И. Л. Андреев, «опиралось на биологическую инерцию процесса размножения (взаимоотношения полов), но существенно изменялось за счет усиления социализации, качественно отличной от ситуативно-игровой «подгонки» врожденных рефлексов и навыков, свойственных животным»⁶. Осознание групповых, коллективистических, деятельностных инстинктов, сложившихся в процессе антропосоциогенеза, сопровождалось формированием императивных обычаев.

Проблема социальных изменений, трансформаций современного общества в целом весьма тесно, на наш взгляд, увязана с проблемой ментальных подвижек, изменений в системе глубинно-психических социально-культурных установок, которые рассматриваются как структурные составляющие менталитета. Таким образом, можно говорить о необходимости интеграции социально-философского аспекта исследования данной проблемы с социально-психологическим подходом. И это не единственное необходимое совмещение проблемных полей различных направлений социально-гуманитарного знания⁷. Можно привести актуальные примеры из сферы культурологии, психолингвистики и др.

⁴ См.: Сорокин П. А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М., 1994.

⁵ Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 77.

⁶ Андреев И. Л. Происхождение человека и общества / И. Л. Андреев. – М.: Мысль, 1988. С. 374.

⁷ См.: Полежаев Д. В. Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки / Д. В. Полежаев // Личность. Культура. Общество. – М.: Изд-во ИФ РАН, 2009. – Т. XI. – Вып. 2 (48-49). – С. 496-501; Полежаев Д. В. Социальная информация и проблема динамики социальной направленности деятельности (ментальный аспект) / Д. В. Полежаев // Труд и социальные отношения. – М., 2009. – № 6. – С. 54-59.

² Хлопьев А. Т. Трансформация социальной структуры российского общества / А. Т. Хлопьев // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3. – С. 24-37.

³ Этнопсихологический словарь / под ред. В. Г. Крысько. – М.: Моск. психолого-социальный институт, 1999. – С. 148.

В связи с обращением к проблеме изменчивости ментальных установок важно вначале рассмотреть феномен менталитета в его функционировании. Здесь на первый план выдвигается временной аспект. Предваряя эту мысль, логично задуматься вот о чем. А когда же появляется менталитет? Когда мы можем говорить о его устойчивости? То есть совершенно логично поднимается вопрос о генезисе менталитета.

Культурологический подход осмысления проблемы социальной динамики и выявления ментальных оснований социальных изменений весьма существенен. Проблемы социальной динамики в историческом протяжении могут быть наглядно развернуты в некоторых примерах развития и использования новых технических средств в культуре европейской цивилизации. Западный исследователь М. Блок приводит небезынотересный факт, связанный с широким применением водяных мельниц в средневековой Европе. Известно, замечает он, что водяная мельница изобретена задолго до новой эры, однако не использовалась в хозяйстве многие столетия и стала широко применяться лишь с изменением социального устройства и общественных отношений в Европе. Это вполне убедительно объясняется лишь с учетом причин ментального характера (смена ментальных установок), а не только в области истории развития чисто технических приспособлений и экономико-правовых моделей общества. Изменение социального статуса трудящихся, возникновение под воздействием христианства новой системы ценностей и оценки социально-экономических условий жизни привели к утверждению водяной мельницы как технического новшества⁸. Не следует ограничиваться поиском причин движения истории только в поступательном развитии материальной сферы человеческой цивилизации. Они могут являться только посредниками во взаимодействии социальных и ментальных подвижек.

Таким образом, речь должна идти о динамике ментальных установок, происходящих, по сравнению с феноменом культуры, в большой глубине социального сознания; важно понимать, что феномены менталитета и культуры находятся в отношениях взаимовлияния. Феномен менталитета следует рассматривать в ракурсе возможностей человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах, которые даны ему его культурой и эпохой, возможностей «мыслительного инструментария»⁹. Этот «инструментарий» исторически обусловлен, поскольку унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем неприметно изменяется в процессе творчества и всей социально-исторической практики индивида.

Установки менталитета изменяются во «времени большой длительности», большем, нежели социальное время, в котором происходят заметные подвижки социального характера. То есть менталитет изменяется «чрезвычайно медленно», исторически неприметно.

⁸ См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – С. 74-75.

⁹ О взаимодействии феноменов сознания и менталитета см. подробнее: Полежаев Д. В. Феномены сознания и бессознательного в пространстве менталитета / Д. В. Полежаев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – Вып. 3. – С. 113-117.

Вопрос о смене ментальных установок не только весьма интересный, но и сложный. Особенно если учитывать, что зачастую менталитет оценивается только по некоторым внешним характеристикам; при этом игнорируется пересечение социальных явлений с «подземными течениями коллективного сознания». По-видимому, в этой экстреме «глубинно-психическое – социально-культурное» вектор влияния обоюдно направленный. Но именно «глубинные ментальные социально-психологические перемены, которые кроются за появлением новых вещей, за изменением внешних манер и навыков бытового поведения»¹⁰ ищут исследователи, анализируя и изучая те или иные социальные акты, наблюдаемые в историческом протяжении. К ним относятся производственные отношения, семейные, юридические (правовые), художественные и другие, выстроенные, на наш взгляд, в систему глубинно-психических социально-культурных установок, определяющих историческую индивидуальность конкретного общества¹¹.

Менталитет – это устойчивая во «времени большой длительности» система внутренних глубинно-психологических установок общества, формируемая (и функционирующая) как под воздействием внешних условий, так и на уровне бессознательного (неосознанного). В структуре менталитета следует выделить основные функциональные блоки-установки: а) восприятие, в) оценка, с) поведение. Это своего рода «горизонтальное» деление феномена, характеризующее его реализацию. К «вертикальным» составляющим относятся ценностные социальные установки индивидуального и массового сознания и бессознательного, влияющие на выработку отношения к окружающим человека явлениям, событиям и процессам. В качестве наиболее важных можно обозначить правовую установку, природную (выражающие отношение к природе и действия в отношении ее, в том числе экология), хозяйственно-экономическую (трудовую) установку, национальную, патриотическую установку, установку, охватывающую этический аспект возрастных, семейных и половых отношений, эстетическую установку, религиозно-мистическую установку, языковую установку, воспитательную установку (тесно связанную с семейной) и некоторые другие.

Полагаем, соединение обозначенных условных «осей» представляет нам яркую картину социального осуществления отдельного индивида, социальной группы и общества в целом. Думаем, что не будет большой ошибкой признать эту схему функциональной схемой феномена менталитета (как ментальности личности, так и менталитета общества). Различные аспекты «работы» менталитета общества и ментальности личности рассматривались нами ранее¹².

¹⁰ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». С. 127.

¹¹ См.: Bloch M. Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien / M. Bloch. – Paris, 1961. – P. 79.

¹² См.: Полежаев Д. В. Русский менталитет и демократизация общества: проблемы ценностного взаимодействия / Д. В. Полежаев // Личность. Культура. Общество. – М.: Изд-во ИЧ РАН, 2004. – Т. VI. – Вып. 4 (24). – С. 276-287; Полежаев Д. В. Менталитет и национальный характер образования / Д. В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4 (38). – С. 12-16; Полежаев Д. В. Менталитет как система установок: функциональное и ценностное измерения / Д. В. Полежаев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – Вып. 4. – С. 123-128 и др.

Замечено, что когда происходят различные модернизационные катаклизмы, то внедрить всякую инновацию мешают или способствуют, искажают ее или модифицируют такие условия и факторы, которые входят в менталитет. Соответственно, имея инновационные намерения, мы оцениваем, что удастся в конкретно этих условиях реализовать, а что нет. В этой связи проблема менталитета ставится в двух аспектах: первый – на какие ментальные конструкты можно опереться, модернизируя социальную жизнь, знаем ли мы их, адекватно ли оцениваем и можем ли использовать. А второй – какие инновации при этих условиях будут иметь успех, а какие будут трансформироваться ввиду объективного наличия этих устойчивых ментальных конструкций¹³. Необходимо четкое осознание того, что мы должны учитывать, пытаясь проводить модернизацию в экономической или государственно-правовой сферах. Сознание, производимое социальной группой, характеризуя «общественно-функциональной» стороной общественное сознание, вместе с тем характеризуется социально-групповой значимостью и своей «эгогрупповой» стороной выражает общественные потребности (данной) социальной группы¹⁴.

В отношении личности к социальной и духовной формам бытия, в определении «генеральной» линии в социальной направленности деятельности при внимательном рассмотрении обнаруживается некоторая двойственность, которая, несомненно, накладывает отпечаток на внутренний механизм динамики этой направленности: на уровне обобщенного символического целого она фиксируется в рациональных подобию политических, юридических, моральных норм, а на уровне обыденных взаимодействий личностей она представляется совсем другими схемами поведения, не поддающимися абстрактным определениям, не имеющим четкого выражения. Эти схемы можно рассматривать как некий творческий «хаос» жизни индивидов, который, по мнению Н. О. Лосского, является следствием «недостатка средней культуры»¹⁵. Вообще человек изначально живет в культуре определенного социума, которая и задает ему критерии выбора, культурный код, весь сложный мир идеалов, ценностей, смысловых установок, признаваемых этой культурой способов деятельности человека и форм его общения.

Значимость динамичности как неотъемлемого свойства ментальных феноменов, реализующихся в пространстве наличного бытия, в социальных явлениях и актах различного плана, выпукло проявляется даже в условиях социально-культурного кризиса, – системного кризиса, по мнению ряда ученых, продолжающегося сегодня в России. Дополненный мировым финансовым (и общеэкономическим) кризисом, кризисом производства и потребления, порожденного и поддерживаемого тенденциями глобализации международного социаль-

но-экономического сообщества, он придает особую функциональную значимость феномену менталитета. Негативных последствий системного кризиса возможно избежать при условии сохранения и наращивания «менталесообразного» экономического правосознания, функционирующего в условиях современной российской культуры. Феномен правосознания в национально-русском его понимании сам по себе неоднозначен. А в трактовках различных авторов, в зависимости от исследовательских и мировоззренческих позиций, приобретает самые разнообразные оттенки и смыслы.

Правовое сознание (индивидуальное и социальное) в менталитете раскрывается через феномен правовой установки, то есть способности и возможности воспринимать право как ценностный феномен, оценивать его соблюдение и нарушения, а также реализовывать те или иные поведенческие модели в рамках наличного права. Правовая установка русского менталитета в контексте нашей концепции представляется как одна из системообразующих. Однако правосознание, имея в интенции различные направленности, может быть облечено и в различающиеся между собой (внешне фиксируемые) формы. Так, экономическое правосознание отдельного индивида и сообщества напрямую связано в ментальном плане с трудовой (или экономической) установкой менталитета.

Современный российский своеобразный правовой нигилизм и недоверие к власти не являются качественной чертой русского народа, принадлежащей исключительно настоящему времени. Это, скорее, традиционная русская духовная компонента. Слабая оформленность русских представлений, ориентаций, установок, как известно, была характерна для нас еще в начале XX века. Есть определенная уверенность (даже у самых «закоренелых романтиков») в том, что эта черта является неизменной для русского народа, поскольку затрагивает в самом открытом виде одну из его глубинных духовных основ. Вопрос о внешней форме и внутреннем содержании можно считать одним из основных для должной социальной детерминации русского национального характера. Н. А. Бердяев замечает, что для русских внутренняя, личная, духовная свобода всегда значила больше внешней, социальной определенности. Огромная сила стихии и сравнительная слабость формы противопоставлялись западной практически тотальной определенности и рассчитанности. «Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности», – отмечал русский мыслитель¹⁶.

Не случайно, рассматривая отношение к форме как некую внешнюю обустроенность, Н. А. Бердяев проводит параллели с западным к ней отношением, таким образом, сравнивая русское и западное сознания. Это помогает нам заметить наиболее яркие черты, свойственные большей частью или исключительно для русских: «Русский народ очень одаренный, но у него сравнительно слабый дар формы, – замечает философ. – Со-

¹³ Иваненков С. П. Размышления о российском менталитете / С. П. Иваненков, А. Ж. Кусжанова // Режим доступа: <http://www.osu.ru/osu/misc/page/ivanenkov/text/mental.html>, – свободный. – Яз. рус.

¹⁴ Демичев В. А. Проблемы структуры и функционирования общественного сознания / В. А. Демичев. – Челябинск, 1980. – С. 81; Андреев, И. Л. Происхождение человека и общества / И. Л. Андреев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1988. – С. 378.

¹⁵ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М., 1991. – С. 333.

¹⁶ Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. Самопознание: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. (Сер. «Антология мысли»). – С. 14.

циальная стихия опрокидывает всякую форму. Это и есть то, что западным людям, особенно французам, у которых почти исчезла первичная стихия, представляется варварством»¹⁷. Стихия – душа русского народа, несовместимая с государственным мировидением и, тем более, мироощущением. Этот яркий, на грани социально-личностного конфликта, протест личности против социума весьма характерен для русского человека и русского народа в целом, можно сказать, что это одна из немалозначимых черт, характеризующая русский менталитет. Имеет смысл именно в таком ракурсе говорить о русской стихийности, поскольку западный тип человека совершенно отличен от русского. Н. А. Бердяев говорит об этом следующим образом: «Западные люди гораздо более оседлые, более прикреплены к усовершенствованным формам своей цивилизации, более дорожат своим настоящим, более обращены к благоустройству земли. Они боятся бесконечности, как хаоса, и этим походят на древних греков. Слово «стихия» с трудом переводимо на иностранные языки. Трудно дать имя, когда ослабела и почти исчезла самая реальность»¹⁸.

И. А. Ильин рассматривает правосознание как закономерный итог национального развития: «Народ, не выносивший зрелого правосознания, – отмечает философ, – не создавший сильной и духовно-верной государственности – не может иметь подлинной и предметной философии права: она зародится только тогда, когда для него придет эпоха великой борьбы за правосознание и за настоящую государственность»¹⁹. Таким образом, очень верно, на наш взгляд, увязываются воедино правосознание и государственное сознание народа²⁰.

Представления русских о государстве и их отношении к существующему государственному устройству совершенно отличны от западного «культу государства» в сознании граждан. Русская, большей частью идеальная, утопическая идея государства заключается в органическом, целостном понимании народной жизни, органическом понимании отношения между царем и народом. Подобные представления, которые «приняли на вооружение» славянофилы, предполагают, что в государственных отношениях не должно быть ничего формального, юридического, не нужны никакие правовые гарантии, поскольку органические, естественные отношения противоположны договорным. Все должно быть основано на доверии, любви и свободе.

Сегодня достаточно часто встречается мнение, согласно которому поступать в соответствии с юридической нормой – значит действовать несвободно, быть связанным некими требованиями. Трудно возражать против этого, поскольку история человечества знает многие случаи применения социально недоброкачественного права, ограничивавшего свободу. И все же с философской точки зрения свобода есть важнейший конституирующий фактор определения права, хотя между ними всегда существовали заметные противоречия (при зыб-

ком равновесии). Не случайно сегодня, когда в обществе стала утверждаться мысль о необходимости правового государства, заговорили о «господстве права» и «культе закона», вновь возникли идеи о «подавлении» личности государством, «порабощении» человека. Эти идеи, как мы понимаем, весьма характерны для психологического склада русского народа, его менталитета.

Духовный склад русского народа, по признаниям многих мыслителей конца XIX – начала XX веков, совсем не устроительный. Внутренняя свобода превалирует над внешней оформленностью отношений. Слабый дар формы у русского народа на Западе считается «варварством». Отсутствие в русской истории античной традиции как изначального исторического истока не позволяет считать органичной для русского народа ту форму государственного и общественного устройства, которая привнесена в Россию с Запада. Вообще, сравнение России и Запада, сопоставление и противопоставление идей, представлений, духовного склада и образа мыслей народов позволяют на контрапунктах возможно точно выявить и показать своеобразие, особенности русского менталитета.

Отвержение примата права и государства в русском сознании обуславливается еще и тем, что русские люди в иерархии внутренних ценностей ставят любовь выше справедливости. Причем любовь эта не носит исключительно полового характера, она имеет духовный характер и высокий нравственный смысл. Русская любовь не закрепощает, не ограничивает, но освобождает человека. Свобода личности как одна из установок в русском менталитете представляет собой не юридический, правовой результат, но высшую, и зачастую недостижимую, цель. Духовное освобождение позволяет русскому человеку не замечать закрепощения физического или социального. В этом нам также видится одна из причин того, что личное рабство сохранилось в России до третьей четверти XIX века.

Сопряжение государственно-правовой и хозяйственно-экономической установок русского менталитета, дающее исследователям представление об экономическом правосознании народа, – это проблема еще и интеллектуального плана. Интеллектуальная, духовно высокая культура, подчеркивал А. Тойнби, определяет историческую судьбу государства. Рассмотрение проблемы экономического правосознания вообще в изоляции от проблем личности и общества, проблем морали вырывают ее из контекста системы нормативной регуляции поведения в обществе. Сегодня необходимо, чтобы философское осмысление экономического правосознания было полностью ориентировано на человека. В новом правопонимании должен быть выражен исконный смысл права в его историческом развитии, – обеспечение и защита человеческой свободы (или, наоборот, ограничение несвободы), определение ее возможностей, границ и гарантий, вопреки всем препятствиям и произволу.

Правовая установка, как отмечалось, выделяется нами в числе социально-культурных установок менталитета. Реализация ее в деятельности может выступать как важная характеристика русского национального характера. А. А. Давлетов утверждает, что «проблема воздействия российского менталитета на генезис как всей

¹⁷ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 192.

¹⁸ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 195.

¹⁹ Ильин И. А. Религиозный смысл в философии / И. А. Ильин. Путь к очевидности : Сочинения. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 50.

²⁰ См. подробнее работу И. А. Ильина «Путь духовного обновления».

системы права, так и на отдельные его отрасли, стала особенно актуальной. Без учета этого фактора невозможно выработать оптимальную правовую систему. Законодатель ... должен ... учитывать влияние менталитета, а точнее, исходить из менталитета, как отправного, первостепенного фактора»²¹.

На протяжении всей своей истории Россия находилась в постоянной борьбе с внешними врагами, для чего необходимо было выстроить «боеспособную» систему отношений в государстве. «Московиты стремились не к защите своих прав, которых у них не было, – отмечает Л. Н. Гумилев, – а к получению обязанностей, за несение которых полагалось «государево жалование. ... Словия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, то есть кормить тех, кто его обороняет. Были командиры, солдаты, работники, не было граждан»²². В сознании русского народа определяется место государства и его главы как продолжение отцовской власти.

Впрочем, Н. А. Бердяев отмечал, что русские, с одной стороны, – это покорный народ, всецело подчиняющийся государству, а с другой – народ, который обладает большой анархической силой, способной разрушить государственные устои²³. Склонность русского народа к анархии объясняется, в частности, тем, что просторы и бесконечные земли на востоке и юге «служили искушением для тех, кому тягло нести совсем неумоготу становилось»²⁴. Обширные пространства послужили одним из составляющих русского понимания свободы, которая определялась как воля, в отличие от западно-правовых воззрений, где свобода – это права человека.

А. А. Давлетов пишет, что «в менталитете русского народа на уровне бессознательных архетипов сложилась установка трепетного, от уважения до страха, отношения ко всем атрибутам государства, и, прежде всего, к персоне главы авторитарной власти. По представлениям русского народа – единственной инстанцией, обеспечивающей власть и порядок в государстве, является князь, царь, император, президент»²⁵. К. Д. Кавелин отмечал: «Царь есть само государство – идеальное, благотворное, но вместе с тем и грозное выражение... Царь должен быть безгрешен; если народу плохо, виноват не он, а его слуги; если царское веление тяжело для народа – значит, царя ввели в заблуждение...»²⁶. Личность руководителя, таким образом, изначально наделялась сверхчеловеческими качествами, вне зависимости от того, обладает ли

она чертами харизматического лидера или нет.

В отличие от российского, западный вариант отношений государства и личности строился преимущественно на «договорной основе». Известна концепция общественного договора, согласно которой обеспечение неотчуждаемых прав человека является главной целью договора людей и государства и передачи себя под его власть. В «договоре» между государством и личностью четко разграничены права и обязанности, а также пределы вмешательства государства в сферу частных интересов. Так образовалась доктрина правовой государственности, в основе которой лежит принцип невмешательства государства в сферу частной жизни.

Полагаем, выглядит немаловажным знаково-смысловой аспект правовой установки русского менталитета. Он связан с известным признанием того, что русский человек всегда жил в поиске и ожидании Правды. Правосудие стало называться так потому, что назначение Суда виделось в правом разрешении дела. По Правде – значит Справедливо. «Правда», «справедливость» как-то не вошли в букву Закона, но близкое к ним слово в языке нашего уголовно-процессуального закона было. И это слово – «истина». В УПК РФ нет какого-либо упоминания не только об истине, но и всесторонности, полноте и объективности разрешения дела. И какие бы теоретические конструкции под это не подводились, как бы не обосновывалась необходимость отказа в настоящее время от истины как цели доказывания, происходит самое печальное – вера в правосудие, и без того основательно подорванная за годы советской власти, теряет свой обязательный атрибут – «икону» Истины. В понимании русского человека уголовное судопроизводство стало бесцельным, бессмысленным, так как нет Правосудия без Истины, Справедливости и Правды.

Деятельностное освоение правовой действительности осуществляется индивидом через сферу занятости, трудовую деятельность, производственно-экономические отношения. В единстве этих взаимоотношений общества фиксируется экономическое правосознание индивида, семьи, социальной группы, которое в дальнейшем выступает своеобразным исходным пунктом жизненной ориентации. А «преориентацией», таким образом, выступает менталитет общества, задающий глубинно-психические ориентиры индивидуально-личностных ментальностей.

Экономическое правосознание в нашем понимании – это не только осознание необходимости правового регулирования экономических отношений, но и экономическое обоснование наличных правовых механизмов, норм и правил. В таком ключе менталитет народа (в пространстве современной российской цивилизации – это русский менталитет) представляется ключевым фактором, основой деятельностной реализации психологических механизмов социально-индивидуального самоосуществления. Трудовая (экономическая) установка менталитета играет здесь также весьма важную роль.

В современной отечественной социальной философии актуализирован ряд социально-культурных установок менталитета, имеющих особенное воплощение в пространстве русской культуры. Ментальные установки, «работающие» как глубинно-психический механизм, не

²¹ Давлетов А. А. Российский менталитет и его влияние на природу уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] / А. А. Давлетов, А. С. Барабаш. – Екатеринбург, 22 мая 2006. – Режим доступа: http://www.urallaw.ru/articles/person_3/id_54.html, свободный.

²² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М.: Мысль, 1992. – С. 56.

²³ Бердяев Н. А. Душа России / Н. А. Бердяев / Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / сост. Е. А. Васильев. – М., 1993. – С. 289-318.

²⁴ См.: Алексеев Н. Н. Обязанность и право / Н. Н. Алексеев / Русский народ и государство. – М.: АГРАФ, 1998. – 636 с. (Сер. «Новая история»).

²⁵ Давлетов А. А. Российский менталитет и его влияние на природу уголовного судопроизводства.

²⁶ Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин; сост., вступ. ст. В. К. Кантора. – М.: Правда, 1989. – С. 43.

имеют ярких национально выраженных характеристик; их особенности проявляются в слиянии с установками социально-культурными, которые могут быть представлены в виде ценностного ряда – прирастающего с развитием человеческой цивилизации эшелона культурных сфер. К ним относятся религиозная, правовая, государственная, нравственная, природная, эстетическая, трудовая, языковая, семейная, национальная и другие установки.

Трудовая установка занимает важное место в ментальном пространстве русской культуры, определяя социальную направленность деятельности индивида и сообщества. Социальное значение трудовой активности индивида и сообщества проявляется в различных аспектах. Профессиональное самоопределение человека означает возможность его последовательной и успешной социализации в социальном окружении национального сообщества и глобального мира²⁷. Поиску своего места занятости в пространстве трудовых отношений предшествует ориентация в мире профессий и в сферах занятости.

Важным трудовым аспектом социализации человека признается сегодня, в рамках известного культурного сближения российской и европейской систем образования, развитие продуктивной компетентности человека. Под продуктивной компетентностью понимается способность индивида производить конкретный продукт, получая некоторый результат деятельности (измеряемый с позиций тех или иных критериев), который могут использовать другие; ответственность индивида за планирование, ход и результаты труда, что придает осознанный характер конкретным действиям; способность материально обеспечивать себя и близких средствами к существованию, «умение работать и зарабатывать»²⁸.

Трудовая ориентация человека и закрепление его в пространстве социально-трудовых отношений означают не только последующую социально-бытовую его устроенность, но и устойчивость глубинно-психического, ментального плана. Осознанное отношение к трудовой активности человека, уважение к результатам своего труда и труда вообще формирует общий фон трудовой ориентации в социуме, формируя значимый в содержательном отношении вектор трудовой установки в системе установок менталитета.

Трудовая (экономическая, или хозяйственная) установка менталитета основывается, в рамках нашей концепции, на трех функциональных проявлениях труда как феномена культуры, сущность которых заключается в нижеследующем.

Первое проявление феномена труда в ментальном пространстве русской культуры связано с *восприятием* труда как культурного концепта. Что такое труд для русских, с чем он связан в процессе усвоения индивидом социальных ролей и какие опоры для закрепления образа труда в русском общественном сознании используются субъектами образовательно-воспитательного процес-

са – отдельные и достаточно сложные для обсуждения вопросы.

Восприятие труда как феномена культуры, как явления повседневной жизни, как потребности и способности человека и сообщества зависит от многих факторов. К ним относятся, по нашему мнению, *принадлежность* индивида к той или иной социальной группе общества, к профессиональному сообществу (в связи, в том числе, с занимаемой в профессиональной иерархии местом, функционалом, компетентностью, статусом и т. п.), национальная идентичность человека – как национально-государственная (в рамках страны, нации в европейском понимании), так и национально-этническая (в рамках отдельной национальности), а также национально-региональная идентичность. Последняя объединяет собой пространственно-географические особенности большого русского народа, представители которого в разных краях великой страны являются собой часто противоположные психические типы²⁹. К основным факторам, определяющим русское восприятие труда, относятся также правовой, гендерный, религиозный, возрастной, природно-географический и ряд других.

Во-вторых, важной с точки зрения осмысления труда как ментальной установки феномена культуры, определяющей экономическое правосознание, выступает *оценка* концепта труда в пространстве русской цивилизации (с учетом выше указанных особенностей его восприятия – на предыдущем этапе ментальной «работы»). Это проявление труда также представляется невозможным однозначно зафиксировать, поскольку оно зависит от наличной системы ценностей данного конкретного субъекта в данном конкретном времени и в тех или иных обстоятельствах.

Следует уточнить, что оценивается не только труд сам по себе как некий абстрактный феномен. Оцениваются (через призму первого этапа «работы» менталитета) активность в реализации тех или иных видов деятельности или пассивность субъекта (индивида или ментального сообщества). Существенным является понимание того, какой вид деятельности оценивается в ментальном пространстве в тот или иной (исторически конкретный) момент: физическая, духовная, умственная (интеллектуальная) и др. В различные исторические периоды в различных социальных группах интеллектуальная, физическая и духовная работа того или иного индивида могут быть различно оцененными.

Необходимо напомнить, что процесс оценивания (особенно это касается отдельного человека) весьма серьезно зависит от наличной системы ценностей, то есть осуществляемых официально, формально идеологических социальных мер, предъявляемых требований и т. п.

Третьим существенным элементом проявления трудовой установки в ментальном пространстве русской культуры является *деятельностный* компонент коллективной психики в отношении феномена труда. Известно, на уровне общих рассуждений, русское отношение к труду как к необходимо обязательной, но не связанной

²⁷ См.: Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций) / Б. С. Гершунский. – М.: Совершенство, 1998. – 608 с.

²⁸ См.: Лиферов А. П. Новая российская ментальность как инновационный ресурс модернизации образования / А. П. Лиферов, О. Е. Воронова // Педагогика. – 2007. – № 2. – С. 12-22; Российское образование и тенденции мирового развития // Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002. – С. 10-12 с.

²⁹ См.: Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и Славянством / Г. Д. Гачев. – М.: Ин-т ДИДИК, 1997. – 367 с.; Русская история и русский характер: матер. межд. конф.: в 3-х тт. – Т. 3. – СПб.: Санкт-Петербургское филос. Об-во, 2002. – С. 71-82.

с внутренними потребностями индивида сфере бытия человека. Это, по-видимому, заблуждение, причем заблуждение – не вполне убедительно аргументированное. Да, лень русского народа – притча во языцех для всех. Однако известны и представления о русском трудолюбии, которые имеют не меньше оснований для существования. Кроме того, все социальные эксперименты в России, в том числе, в социально-трудовой сфере, проводились и проводятся почти исключительно на базе русских областей Российской Федерации (эта линия, по утверждению отечественных политологов, идет с советского времени). Это, помимо всего прочего, яркий, на наш взгляд, показатель мобильности, динамичности, способности к социальным изменениям и личностной работе над собой.

Не следует сверходнозначно утверждать о том, что русская трудовая установка как составляющая менталитета и русское экономическое правосознание сформированы когда-то раз и навсегда и только в одной фиксированной форме. Следует помнить и об имеющейся у каждой медали оборотной стороне. Это должно бы сдерживать нас от метаний из края в край при оценке трудовых возможностей, достижений и недостатков нашего народа в пространстве русской культуры. Русское экономическое правосознание зафиксировано в конкретном историческом пространстве российской цивилизации, поэтому ментальные феномены не могут быть изменены сколько-нибудь значительным образом в течение исторически малого времени³⁰. Поэтому имеющие место рассуждения, иногда довольно пространные, о том, что «поменяют менталитет, и все начнут работать по-новому», не выдерживают критики, поскольку оперируют они «должным», а не «сущим». И совмещение этого долженствования с потребностями и возможностями русской цивилизации должно иметь в качестве научной опоры ментальный подход осмысления внесознательных процессов социально-индивидуального плана. Это – вопрос существования труда не только как феномена культуры, элемента системы ценностей, но и как ментального феномена, непрерывно самоактуализирующегося в пространстве русской цивилизации.

Ментальное осмысление феномена экономического правосознания предоставляет исследователям целый ряд возможностей для аспектного его изучения. Можно объединить (или, точнее, сопоставить) труд с деятельностью, поведением (в определенном понимании феномена деятельности человека), поступками. Помещение их (и ряда других) в ментальное поле русской цивилизации, совмещение их между собой в пространстве ментального подхода дает возможность обозначить целый ряд проблемных узлов категориально-понятийного и феноменологического плана, необходимо нуждающихся

в социально-философском осмыслении и изучении его с общих позиций современного российского социально-гуманитарного знания.

Можно утверждать с достаточной определенностью, что экономическое правосознание индивидуально-личностного и социально-коллективного уровня находит убедительное отражение в русском национальном менталитете, а также в российском его варианте, в национально-этническом, в этнокультурном и в национально-региональном его аспектах. Ментальные глубинно-психические социально-культурные установки, выступая преориентационной основой национального самосознания, становящегося в пространстве современного российского социума, задают определенные ориентиры динамики экономического правосознания в условиях изменяющейся социальной, культурной, политической, экономической, демографической ситуации, функционируют с учетом мировых тенденций глобального информационного мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества / И. Л. Андреев. – М. : Мысль, 1988. – С. 374.
2. Алексеев Н. Н. Обязанность и право / Н. Н. Алексеев / Русский народ и государство. – М. : АГРАФ, 1998. – 636 с. (Сер. «Новая история»).
3. Балабанов И. Т. Риск-менеджмент / И. Т. Балабанов. – М., 1996.
4. Голуб Н. И. Причины потребительских рисков / Н. И. Голуб // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 5. – С. 158-164 и др.
5. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. Самопознание : Сочинения. – М. : ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. (Сер. «Антология мысли»). – С. 14.
6. Бердяев Н. А. Душа России / Н. А. Бердяев / Русская идея : сборник произведений русских мыслителей / сост. Е. А. Васильев. – М., 1993. – С. 289-318.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и Славянством / Г. Д. Гачев. – М. : Ин-т ДИДИК, 1997. – 367 с.
8. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций) / Б. С. Гершунский. – М. : Совершенство, 1998. – 608 с.
9. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – С. 74-75.
10. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М. : Мысль, 1992. – С. 56.
11. Давлетов А. А. Российский менталитет и его влияние на природу уголовного судопроизводства. [Электронный ресурс] / А. А. Давлетов, А. С. Барабаш. – Екатеринбург, 22 мая 2006. – Режим доступа: http://www.urallaw.ru/articles/person_3/id_54.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Демичев В. А. Проблемы структуры и функционирования общественного сознания / В. А. Демичев. – Челябинск, 1980. – С. 81.
13. Иваненков С. П. Размышления о российском менталитете / С. П. Иваненков, А. Ж. Кусжанова // Режим доступа: <http://www.osu.ru/osu/misc/page/ivanenkov/text/mental.html>, – свободный. – Яз. рус.

³⁰ Казин А. Л. Русская цивилизация как ценностный парадокс / А. Л. Казин // Мир в III тысячелетии. Диалог мировоззрений : матер. V всерос. науч.-богослов. симп. – Н. Новгород : Изд-во ВВАГС, 1999. – С. 103-104; Маслов, В. Ф. Исторический процесс и русская цивилизация / В. Ф. Маслов // Новая Россия : духовность, гражданственность, возрождение : матер. всерос. науч. конф. (29-31 мая 2000 г.). – Краснодар : Кубанский учебник, 2000. – С. 118-119. (Библиотека журн. «Наука Кубани»); Платонов, О. А. Русская цивилизация / О. А. Платонов. – М. : Роман-газета, 1995. – 224 с.

14. Ильин И. А. Религиозный смысл в философии / И. А. Ильин. Путь к очевидности : Сочинения. – М. : ЭКС-МО-Пресс, 1998. (Серия «Антология мысли»). – С. 50.
15. Кавелин К. Д. Наш умственный строй : статьи по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин; сост., вступ. ст. В. К. Кантора. – М. : Правда, 1989. – С. 43.
16. Казин А. Л. Русская цивилизация как ценностный парадокс / А. Л. Казин // Мир в III тысячелетии. Диалог мировоззрений : матер. V всерос. науч.-богослов. симп. – Н. Новгород : Изд-во ВВАГС, 1999. – С. 103-104.
17. Лиферов А. П. Новая российская ментальность как инновационный ресурс модернизации образования / А. П. Лиферов, О. Е. Воронова // Педагогика. – 2007. – № 2. – С. 12-22.
18. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М., 1991. – С. 333.
19. Маслов В. Ф. Исторический процесс и русская цивилизация / В. Ф. Маслов // Новая Россия: духовность, гражданственность, возрождение : матер. всерос. науч. конф. (29-31 мая 2000 г.). – Краснодар : Кубанский учебник, 2000. – С. 118-119. (Библиотека журн. «Наука Кубани»).
20. Платонов О. А. Русская цивилизация / О. А. Платонов. – М. : Роман-газета, 1995. – 224 с.
21. Полежаев, Д. В. Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании : историографические заметки / Д. В. Полежаев // Личность. Культура. Общество. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2009. – Т. XI. – Вып. 2 (48-49). – С. 496-501.
22. Полежаев Д. В. Социальная информация и проблема динамики социальной направленности деятельности (ментальный аспект) / Д. В. Полежаев // Труд и социальные отношения. – М., 2009. – № 6. – С. 54-59.
23. Полежаев Д. В. Феномены сознания и бессознательного в пространстве менталитета / Д. В. Полежаев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – Вып. 3. – С. 113-117.
24. Полежаев Д. В. Русский менталитет и демократизация общества : проблемы ценностного взаимодействия / Д. В. Полежаев // Личность. Культура. Общество. – М. : Изд-во ИЧРАН, 2004. – Т. VI. – Вып. 4 (24). – С. 276-287.
25. Полежаев Д. В. Менталитет и национальный характер образования / Д. В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4 (38). – С. 12-16.
26. Полежаев Д. В. Менталитет как система установок : функциональное и ценностное измерения / Д. В. Полежаев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – Вып. 4. – С. 123-128 и др.
27. Российское образование и тенденции мирового развития // Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002. – С. 10-12.
28. Русская история и русский характер : матер. междунар. конф. : в 3-х тт. – Т. 3. – СПб. : Санкт-Петербургское филол. Об-во, 2002. – С. 71-82.
29. Сорокин П. А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М., 1994.
30. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 5. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – С. 77.
31. Хлопьев А. Т. Трансформация социальной структуры российского общества / А. Т. Хлопьев // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3. – С. 24-37.
32. Этнопсихологический словарь / под ред. В. Г. Крысько. – М. : Моск. психолого-социальный институт, 1999. – С. 148.
33. Bloch M. Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien / M. Bloch. – Paris, 1961. – P. 79.

Игошева Ирина Зинуровна,

соискатель Института содержания и методов обучения
Российской академии образования,
ст. преподаватель кафедры управления развитием образования
Кировского института повышения квалификации
и переподготовки работников образования,
e-mail: talon52007@yandex.ru

ИГРОТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Game Technologies in the Process of Forming Economic Competence of Students in Initial Vocational Education

Экономическая компетентность заключается в умении разрешать и прогнозировать экономические проблемы на личностном уровне. Экономической компетентностью должен обладать каждый человек. Учитывая особенности контингента учреждений начального профессионального образования, формирование экономической компетентности целесообразно проводить с применением активных форм обучения. Одной из таких форм является игротехнология.

Economic competence is a skill to solve and foresee economic problems on a personal level. Economic competence is vital for any person. Considering particular features of establishments of initial vocational education, forming economic competence is recommended to be started with applying active forms of education. One of such forms is a game technology.